

К.и.н., доцент,
ст.н.с. СОИГСИ
И.Т. Цориева

Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии (середина 1940-х – середина 1950-х гг.)

И.Т. Цориева

В первые послевоенные годы перед советской страной стояли сложнейшие задачи восстановления и обеспечения условий для дальнейшего развития народного хозяйства. Особая роль в решении этих задач отводилась науке. Поэтому, несмотря на крайнюю нехватку финансовых средств, изыскивались возможности для укрепления материально-технической базы научных учреждений, возвращались довоенные и готовились новые научные кадры, повышались оклады научным работникам, улучшались бытовые условия, налаживалась система снабжения продовольственными и промышленными товарами [2, д. 317, с. 5, 6]. Занятие наукой становилось одним из наиболее престижных видов деятельности.

Вместе с тем начало холодной войны, нарастание противоборства с капиталистическим миром, растущее «брожение умов» в обществе заставляли партийное руководство ужесточить идеологический контроль над деятелями науки. С октября 1948 г. вводится персональный учет научных работников, позволявший проследить все перемещения ученых по научной и служебной лестнице. Все вопросы от планов научно-исследовательской работы до состава Ученого совета обсуждались и утверждались на заседаниях партийных организаций. Научные исследования, намеченные к печати, проходили цензуру Главлита.

Перед учеными, прежде всего обществоведами, ставились конкретные задачи: пропаганда социалистических идеалов, воспитание людей в духе советского патриотизма и интернационализма. В науке формировалась новая концепция истории России, где Российская империя изображалась уже не «тюрьмой народов», а центром, в котором выплавлялось единство народов и складывалась революционная перспектива. В новой политической ситуа-

ции любые попытки подчеркнуть своеобразие исторического развития своего народа, стремление глубже изучить его культуру и традиции истолковывались как проявление национализма и решительно пресекались. На рубеже 1940–1950-х гг. самыми опасными обвинениями для национальной интеллигенции становились обвинения в буржуазном национализме.

Именно в такой обстановке в 1947 г. началась работа над созданием первого фундаментального труда по истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен в двух томах. Работа над монографией высветила актуальные проблемы истории Осетии: происхождение осетинского народа, особенности социально-экономического развития, значение присоединения к России, характер массовых выступлений конца XVIII–первой трети XIX века, причины переселения горцев в Турцию. Практически сразу стало очевидным, что прежняя интерпретация этих событий и явлений абсолютно не соответствовала новой концепции истории России. По требованию партийных идеологов начался пересмотр многих вопросов исторического прошлого Осетии.

В итоге массовые движения конца XVIII – первой трети XIX века, считавшиеся еще недавно прогрессивными и антиколониальными, теперь расценивались как реакционно-националистические выступления. Теория о завоевании Северного Кавказа, в том числе Осетии, Россией, господствовавшая в советской историографии вплоть до конца 1940-х гг., признавалась грубой политической ошибкой и заменялась представлением о мирном присоединении. А переселение горцев в Турцию расценивалось как «антинародная деятельность кучки осетинских феодалов и турецких агентов во главе с турецким шпионом и провокатором генералом Кундуховым» [3].

Переписывание истории народов Северного Кавказа в духе новых политических реалий тяжело отражалось и на состоянии науки, и на судьбах ученых, не всегда готовых отказаться от своих научных взглядов и покаяться в своих «заблуждениях». Их прорабатывали на партийных собраниях, на заседаниях Ученых советов, подвергали общественному осуждению, аресту.

Трагически сложилась судьба Георгия Александровича Кокиева – замечательного ученого, внесшего большой вклад в развитие науки и культуры народов Северного Кавказа. Г.А. Кокиев не был сторонником «добровольного» присоединения Осетии к России. По его мнению, «эта несостоятельная точка зрения возникла вопреки исторической правде в конъюнктурных условиях сегодняшнего дня». В пользу своей точки зрения он упоминал карательные походы в Осетию Симоновича, Кнорринга, Абхазова и других [5]. Георгий Александрович решительно отвергал также и утверждения о мелкобуржуазном и националистическом характере партии «Кермен» [1]. В 1948 г. им была опубликована научно-популярная брошюра «Этнограф осетинского народа С.А. Туккаев». Эта брошюра, а также рецензия на нее, написанная с позиций новых идеологических требований, послужили формальным предлогом к аресту ученого.

Георгий Александрович был арестован в Москве 14 апреля 1949 г. Спустя десять месяцев, 22 февраля 1950 г., постановлением Особого совещания при МГБ СССР он был приговорен к восьми годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия» [5]. В партийных документах он был осужден «как фальсификатор исторических событий на Северном Кавказе, буржуазный националист и враг народа» [8]. 23 июля 1954 г. большой ученый и прекрасный человек скончался в тюрьме от сердечного приступа.

Среди «осетинских буржуазных националистов» оказался и Борис Васильевич Скитский – автор первой научной «Истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года». Он приехал в Северную Осетию в 1925 г. по приглашению Б.А. Алборова, с которым в свое время учился в Киевском университете. Б.В. Скитский основал кафедру истории СССР в Северо-Осетинском государственном пединституте и бессменно возглавлял ее на протяжении четверти века. Борис Васильевич воспитал целую плеяду осетинских ученых. В числе его учеников были М.М. Блиев, В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, А.К. Тедтоев, М.С. Тотоев.

Вслед за В. Абаевым, В. Гальцевым, Б. Гардановым, А. Джанаевым, Г. Кокиевым и М. Тотоевым Б. Скитский, как автор «Истории Северо-Осетинской АССР...», подвергся жесткой критике за якобы необъективное и ненаучное изложение истории Осетии. Его обвиняли в идеализации феодально-патриархального прошлого осетинского народа, в преувеличенной оценке нартского эпоса как исторического источника, в желании обнаружить «золотой век» в далеком прошлом осетин. Б. Скитский тяжело переживал несправедливость подобных нападок и заболел.

От того времени сохранился документ, полный драматизма. В январе 1951 г. Б.В. Скитский пишет на имя директора СОГПИ заявление: «В связи с тяжелым (сердечным) заболеванием в ноябре – январе я не в состоянии в дальнейшем не только вести научную и педагогическую работу, но даже совершать малейшее физическое напряжение... Все это вынуждает меня просить освободить от исполнения мною обязанностей и тем дать мне возможность перейти на пенсию» [2, ф. 37, оп. 1, д. 15]. В сентябре 1951 г. его просьба была удовлетворена. А весной 1953 г. Борис Васильевич переехал на новое место жительства в Пятигорск.

В середине 1950-х гг., с началом «оттепели», особенно после XX съезда КПСС, в научных кругах Северной Осетии появилась надежда на возможность пересмотра некоторых спорных вопросов дореволюционной истории Осетии и возвращения имен несправедливо «забытых» исторических лиц. Побудительным толчком к тому, в частности, послужили совещания, состоявшиеся в 1956 г. (летом в Махачкале и осенью в Москве) и посвященные изучению истории движения горцев под руководством Шамиля. Шамиля не называли уже ставленником Турции, хотя внешнее влияние не отрицалось. В работе этих совещаний участвовали и осетинские ученые.

Под впечатлением итогов совещаний Михаил Со-сланбекович Тотоев подал на имя первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС докладную записку о том, что оценки восстания тагаурцев 1830 г. и песни «Хазби» неверны и их следует пересмотреть.

Обращение ученого было воспринято как «попытка возродить прежние политические ошибки, пересмотреть решения V пленума обкома 1952 года, вскрывшего с помощью ЦК КПСС серьезные ошибки... в идеологической работе в республике» [3, д. 692, с. 35]. Бюро Северо-Осетинского обкома КПСС приняло постановление «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М.С.» (5 марта 1957 г.) и потребовало обсудить

вопрос на расширенном заседании Ученого совета Северо-Осетинского НИИ.

Заседание состоялось 14 марта 1957 г. «Ученый совет, – отмечалось в принятом в результате обсуждения постановлении, – считает необоснованным и ошибочным предложение профессора М.С. Тотоева оценивать движение 1830 года в Тагаурии как антиколониальное и общенародное». Далее подчеркивалось, что «ошибочные предложения профессора М.С. Тотоева... были возможны потому, что в Научно-исследовательском институте сложилась обстановка беспринципности и семейственности и отсутствия должной критики и самокритики». Постановление было верно воспринято как предупреждение всем ученым-гуманитариям [1, ф. 13, оп. 1, д. 20, с. 13–15].

Таким образом, несмотря на некоторое смягчение идеологического давления в обществе в середине 1950-х гг., пространство для научного осмысления исторических событий оставалось ограниченным рамками официальных концептуальных положений в науке.

Такая же ситуация складывалась и в других гуманитарных науках. Развитие литературного творчества, разработка литературоведческих вопросов требовали создания учебников по истории литературы для вузов и школ. Одной из попыток решения проблемы явились два проекта программ по осетинской литературе, представленные профессором Б.А. Алборовым к обсуждению на заседании Ученого совета СОНИИ в мае 1948 г. [2, с. 6]. Программы не были приняты, прежде всего по идеологическим соображениям, так как в них шла речь о писателях дореволюционного периода Т. Мамсурове, И. Канукове, А. Токаеве, Р. Кочисовой и других, однозначно причисленных в те годы к «буржуазным националистам».

Была и другая причина. В 1938 году Борис Андреевич Алборов, как и многие представители осетинской интеллигенции, был репрессирован. Отсидев восемь лет лагерей, он вернулся в Северную Осетию. Однако положение его было непрочно. И в 1948 г., вскоре после состоявшегося в СОНИИ обсуждения, он был выслан на поселение в Среднюю Азию. Б.А. Алборов вернулся домой лишь в 1954 г. Но еще два года ему пришлось ждать реабилитации.

Научная интеллигенция Северной Осетии была вовлечена в орбиту кампании критики теории «единого потока». Северо-Осетинский обком ВКП(б) дважды (в марте 1950 г. и апреле 1952 г.) выносил решения с осуждением идейно-политических ошибок, якобы содержащихся в хрестоматиях по осе-

тинской литературе. Составителям учебных пособий Х. Ардасенову, С. Бритаеву, К. Казбекову предъявлялись необоснованные обвинения в аполитичности, идеализации творчества писателей, обвинявшихся в «буржуазном национализме» [2, с. 3].

Партийными органами было принято решение впредь, во избежание различных толкований идейно-политической сущности художественных произведений, сопровождать учебные пособия критико-биографическими очерками о жизни и творчестве писателей. Хрестоматии с элементами учебника должны были на неопределенное время заменить учебники по литературе [2, д. 385, с. 4].

В культурной жизни Северной Осетии нашли отражение и дискуссии в области языкознания и политэкономии начала 1950-х гг. В 1953 г. в пятом номере журнала «Коммунист» была опубликована разгромная рецензия А. Джикаевой на монографию известного экономиста Б.А. Цуциева «Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР», изданную в 1952 г. Автор был обвинен в игнорировании социалистических производственных отношений, приукрашивании прошлого осетинского народа, искажении «ленинско-сталинской национальной политики», некритическом отношении к общественной деятельности Е. Бритаева, Г. Цаголова и других «буржуазных националистов». Заодно в грубой фальсификации истории, националистических извращениях обвинялись Х. Ардасенов и М. Тотоев. Последний к тому же являлся научным редактором книги [6]. Выводы могли быть самыми жесткими, и, возможно, только «потепление» политического климата после смерти И.В. Сталина позволило избежать драматической развязки событий.

В сложном положении оказался выдающийся лингвист, иранист и нартовед Василий Иванович Абаев. Еще в период господства «нового учения» Н.Я. Марра о языке его критиковали за приверженность сравнительно-историческому методу в исследовании осетинского и других языков и непризнание четырехэлементного анализа. В ходе дискуссии в языкознании в начале 1950-х гг. еще недавно «единственно верное» учение Н.Я. Марра было отвергнуто как несостоятельное. Оно было признано идеалистичным и антимарксистским. Ситуация изменилась, и теперь в заслугу В. Абаеву ставили многое из того, за что критиковали прежде [4].

Однако принятие ученым идеи Н. Марра о надстроечном характере языка, его понимание учения о «скрещивании» языков и приверженность теории двуприродности осетинского языка и осетинского народа явно разошлись с новыми идейно-полити-

ческими построениями в области языкознания. Развернувшаяся в центральной и местной прессе критика этих идей подготовила почву для принятия постановления бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) «Об освещении вопросов языкознания в республиканской печати» (сентябрь 1951 г.). Постановление дало толчок к новым «проработкам» ученого, которые еще более усилились в связи с якобы принятием В. Абаевым «буржуазно-националистических концепций», с «идеализацией феодально-патриархального прошлого осетинского народа», с «чрезмерным захваливанием» и «преувеличенными оценками нартского эпоса» [7].

Идейно-политическая атмосфера послевоенного десятилетия во многом определяла состояние науки и культуры Северной Осетии. Вместе с тем, несмотря на идеологический диктат, эти годы были временем консолидации научного потенциала, определения перспективных направлений исследовательской деятельности, создания условий в республике для дальнейших научных разработок в области гуманитарных наук.

В литературоведении одной из приоритетных проблем являлось изучение творчества основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова. Внимание ученых привлекают проблемы народности и революционного демократизма, его социальной непримиримости и патриотизма. Кропотливая исследовательская работа позволила осуществить в 1951 г. первое научное издание произ-

ведений поэта в трех томах. Предметом специального изучения стала «творческая лаборатория» художника.

Вторая половина 1940-х–первая половина 1950-х гг. – время значительных успехов в изучении нартского эпоса. Наряду с собиранием, систематизацией и обработкой текстов ведется большая исследовательская работа. Результатом деятельности ученых, писателей и художников явились издания нартских сказаний в 1946, 1948 и 1957 гг. в стихах и прозе. В 1956 г. по инициативе Института мировой литературы и Северо-Осетинского НИИ состоялась конференция по нартскому эпосу. Она подвела итоги всей предшествовавшей работы в области нартоведения и наметила направления дальнейших исследований. Конференция признала эпос памятником культуры мирового значения и отказалась от двух крайностей в его оценке – от идеализации, с одной стороны, и от нигилистического отношения, с другой, получившего распространение в конце 1940-х–начале 1950-х гг. [3, оп. 13, д. 588, с. 13–14].

Наконец, в 1959 г. увидел свет первый том «Истории Северо-Осетинской АССР», охватывавший период исторического развития с древнейших времен до 1917 г. Несмотря на довлеющее влияние идеологии, наличие множества политических и идеологических штампов и догм в издании, его появление стало важнейшим событием исторической науки Северной Осетии тех лет.

Литература

1. *Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.* – ОРФ СОИГСИ. Ф. 52, оп.1, д. 3. С. 7.
2. *Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.* – ЦГА РСО-А. Ф.126, оп. 2, д. 355. С. 3.
3. *Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания.* – ЦГА ИПД РСО-А. Ф.1, оп.6, д.713. С. 26–28.
4. *Гагкаев К. В.И. Абаев – крупнейший исследователь осетинского языка // Социалистическая Осетия, 1951, 13 марта.*
5. *Гаппоев Т.Т. и др. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания.* – Владикавказ, 2000. Т. 1. С. 47.
6. *Джикаева А. Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева // Коммунист, 1953. №5.*
7. *История Северной Осетии. XX век.* – М., 2003.
8. *Цориева И.Т. К истории изучения осетинской культуры в конце 40-х – 50-х гг. XX в. // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 13–14 октября 2005.* – Владикавказ, 2006.

